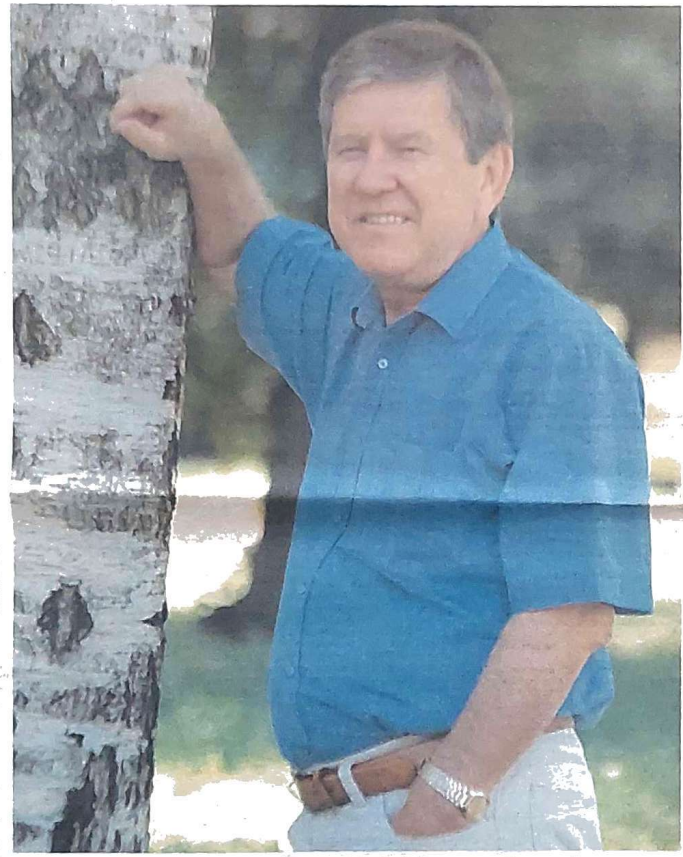
Григорий ДИЛЬДЯЕВ:

Не успеешь оглянуться - всё уже впереди...

В начале весны я позвонил известному ученому, доктору исторических наук Павлу Степановичу Белану, который более полувека исследует безграничную тему: "Казахстан в Великой Отечественной войне". Попросил об интервью для "Вечерки" в связи с 60-летием Победы. Ученый, не долго думая, отказался, сославшись на то, что уже дал подобное интервью для одного юбилейного издания. Мол, журналист, автор материала, был снайперски точен в постановке вопросов, и потому вряд ли возможно столь же удачно бить по той же мишени. На днях открываю книгу "Свет Победы", вышедшую к 9 Мая в издательском доме КАЗИНПРЕСС, и обнаруживаю там то самое интервью. Работа действительно блестящая. Созвонился с автором, Григорием ДИЛЬДЯЕВЫМ, именитым журналистом, издавшим эту юбилейную книгу, и мы условились о встрече.

Рубрику ведет Алмат ЗАИЛИЙСКИЙ
Фото Мэлса ЕТЕКБАЕВА



- Как хорошо, Григорий Григорьевич, что вы приняли мое приглашение подняться на эту, слава Богу, пологую гору (жаль, не знаю, как она называется), по соседству с Коктобе. Вы, наверное, нечасто позволяете себе загородные походы. Когда вам не позвонишь, даже после девяти часов вечера, вы на работе.

- Жаль, но бывать в горах доводится редко. Тем более что с некоторых пор мне приходится делить свое бытие почти поровну между старой и новой столицами.

- Как вам здесь дышится?

- Прекрасно. Для меня это не высота.

- А каков ваш личный "вертикальный рекорд" в Заилийском Алатау?

- Пожалуй, склоны его высшей точки - пика Талгар.

- Горовосхождение - ваше хобби?

- Оно было в свое время частью моего бизнеса. Когда рухнул Советский Союз и наступило время заново "собирать камни", я стал думать, как жить дальше. При всей неопределенности общей ситуации новая жизнь создала условия не только для выдвижения личных инициатив, но и для их реализации. Вместе с коллегами создал ассоциацию аккредитованных в Казахстане корреспондентов ряда центральных изданий - КАЗИНПРЕСС. Мы решили объединиться и учиться зарабатывать, используя свои творческие силы и предпринимательские возможности. В ассоциации работали группы разного профиля. Одна из них занималась туризмом.

С падением "железного занавеса" в Казахстан стало приезжать множество туристов из-за рубежа, мы им всемерно помогали: предоставляли переводчиков, устраивали в гостиницы, оказывали информационные услуги. И разработали для них уникальный маршрут - от вечных горных снегов на юге до лесных и каменистых пустынь на севере, в сторону знаменитого Поющего бархана. В Бурундайском аэропорту арендовали вертолет (то тем временам это было не слишком накладное удовольствие) и возили иностранцев по всем экзотическим для них местам Семиречья. Приземлялись где-нибудь в каньоне реки Чарын, у юрты наших гостеприимных друзей-чабанов, где туристы угощались свежим бешбармаком. Потом по каньону мы поднимались с ними вверх, к подножию пика Талгар.

- Вы, видимо, уроженец Алматы?

- Нет, я из города Фрунзе. Мои родители жили в Киргизии.

- Значит, вас можно назвать потомственным русским азиатом.

- Азия большая. Правильнее - русским среднеазиатом. Или, как принято говорить сейчас, центральноазиатом. Я считаю, что русские Казахстана - во многом "более русские", чем великороссы из европейской части России. И генетически лучше себя сберегли, а главное - мы носители того русского языка, который во многих частях самой матушки-России теперь редко звучит. Я иной раз своим московским друзьям почти всерьез говорю: когда вы окончательно утратите чувство русского языка, вы поневоле обратитесь к нам, где, как говорил Борис Пастернак, "еще чист и не тронут язык", где его красота законсервирована в живых формах. Причем не только в речи русских, но и казахов, владеющих этими формами лучше иных москвичей или питерцев.

Вообще русские Казахстана - отдельная тема специального разговора. Не потому, что она проблемная, а потому, что заслуживает этого в силу своей объективной важности, связанной, в частности, с непростыми вопросами самоидентификации русских диаспор в нашей стране и в других странах Центральной Азии. Мы впитали в себя многие позитивные азийские черты, переняли немало хорошего из казахской ментальности, мировосприятия, особенностей национальной кухни... И это очень хорошо. Говорю как советник Ассамблеи народов Казахстана. Когда я отвечаю на вопрос: как жить? - то говорю: без предлога. В словосочетании "русские в Казахстане" нужно убрать предлог "в". Мы - русские Казахстана.

- С предгорий Заилийского Алатау, условно говоря, виден весь ландшафт нашей расцветающей журналистики. Но каково ее плодоношение? На ваш самый беспристрастный взгляд. Что вы скажете о молодой по возрасту журналистике? Блещут она талантами?

- Взгляд у меня как раз пристрастный. Я могу себя назвать одним из самых квалифицированных читателей казахстанской прессы. Я знаю всю нашу периодику: каждый день у меня на столе пачка газет. Не называя имен, скажу, что мастера у нас есть, но их мастерство не греет. Это или "акулы" пера, или доки в отстаивании интересов своего хозяина. Все их материалы иногда довольно ловко сконструированы, но уши-то торчат. И вот еще что. Журналисты после 1991 года разбрелись по суверенным квартирам, а в Казахстане - по хозяевам. Традиционный журналистский корпоративный дух выветрился. Поэтому, глядя с предгорной высоты, мне скучно анализировать положение дел в отечественной журналистике.

Лучше уж продолжать заниматься издательским делом. Оно мне тем более по душе, что, отойдя от практикующей журналистики, я сейчас делаю то, что начала редакционно-издательская группа КАЗИНПРЕСС в 90-м году прошлого века. Первая книга, которую мы издали, называлась "Фантомас". При пустых книжных полках той поры тираж ушел влет. Публиковали сборники нормативных правовых актов "Бизнес и право". Напечатали один из первых фантастических романов, тогда еще алмаатинца, Сергея Лукьяненко. Провели первую после долгого перерыва выставку "Русская книга" с приглашением ведущих издательств России. Это был настоящий праздник.

В 2004 году в связи с 50-летием начала освоения целинных земель я выпустил фотокнигу о казахстанской целине. В нее вошли публикации моих коллег и мои собственные, а также фотодокументы и реальные свидетельства участников этой действительно всенародной эпопеи. Там есть, к примеру, фоторепродукция подлинной комсомольской путевки. Такие путевки вручались молодым людям, отправлявшимся поднимать целинные и залежные земли в восточных районах страны. Я сам, как и многие мои собратья по перу, месяцами в пору весеннего сева и страды был в командировках в целинных совхозах. Часто бывал в любимой моей Костанайской и других областях, где у меня осталось с тех пор много друзей. Сейчас на моем столе материалы книги о Костанайской области.

- Что-то вроде энциклопедии края?

- Нет, это тоже будет фотокнига - сплав публицистики, мемуаров и фотографий.

- Есть ли у вас собственные книги в прямом, авторском, смысле слова? Ведь ваши разножанровые публикации за десятилетия журналистского творчества наверняка могли бы составить несколько томов.

- Надеюсь, будет и такая книга. Если мы встретимся, скажем, через год, я вам ее покажу.

- Я посмотрел последнюю по времени издания вашу фотокнигу "Свет Победы", посвященную 60-летию Победы в Великой Отечественной войне...

- У нее своя предыстория. В 1974-1975 годах, когда я работал в "Казахстанской правде", мы печатали массу материалов в связи с 30-летием Победы. У меня есть давняя привычка вести тематические досье. Продумывая сценарий этой фотокниги, я нашел в своем архиве папку с вырезками газетных статей 30-летней давности. Они мне существенно помогли нынче.

- Наверное, читатели этой книги обратили внимание на содержащийся в ней биографический элемент, связанный с вашей фамилией. Вы органично вплели в ткань повествования главу, посвященную вашему отцу.

- Отец на Карельском фронте был артиллеристом.

- Судя по его фотографии, вы чрезвычайно на него похожи. Это не одно только внешнее сходство? Может быть, вы унаследовали и какие-то особенности своей фамилии? Возможно, вы не стали, как многие из нас, жертвой той эпохи, когда фамильное генеалогическое древо подрубалось под корень?

- Лет десять назад я увлекся этой темой, было очень интересно докопаться до своих корней. У меня тогда как раз родилась внучка и мне было важно, чтобы и она знала о наших предках... Мой отец был призван в армию из Мурманска, мама окончила институт в Пензе.

- Что свело их вместе в Киргизии?

- Как и многих, стремление выжить в хлебном и теплом краю. Мама - из семьи раскулаченных, воспитывалась у тетки. Друг отца уговорил его податься в эти края. Интересно, что мой дед по отцу и старший брат отца имели другую фамилию. Они были Вертяшкиными. А здесь мы стали обладателями совершенно азиатской фамилии с красивым смыслом. Уже давно Олжас Сулейменов мне ее растолковал. Как известно, "ділда" - это изделие из золота, женское украшение. Кстати, Ділда - имя любимой жены Абая. А если углубиться дальше, в арабистику, то "д'иль" переводится как "загланная буква". Я, смеясь, сказал Олжасу: "Меня устраивает оба толкования!" Остается неясным только, когда появилась эта наша фамилия - Дильдяев. Надеюсь, дойдусь.

Недавно я нашел в Астане своего однофамильца: Дильдяев Айткаш Касымбекович - начальник управления организации производства дирекции магистральной сети. Самое удивительное, что он, как и я, родом из Бишкека. Мы почти курдасы, ровесники. Созвонились, встретились, проговорили полдня, решили дружить семьями.

- А кем были ваши отец и мать? Кто-то из них каким-то образом был связан с журналистикой?

- Самым прямым. Отец, будучи еще на фронте, писал заметки. После войны приехал в Киргизию, работал заместителем редактора Ворошиловской районной газеты, потом стал ее редактором. Перебрался в Ош, славный центр благословенной Ферганской долины - "ворота Памира", город, который сейчас славен псевдореволюционными событиями. Там в областной газете, с типичным для эпохи названием "Ленинский путь" он проработал 45 лет, одно время ее возглавлял. С детских лет меня окружали подшивки и кипы газет, верстки, гранки. Так что я - журналист во втором поколении. А мама - педагог. Всю жизнь она провозилась с чужими детьми. В любом управлении внутренних дел есть такое структурное подразделение - детский приемник-распределитель. Его начальником она и проработала долгие годы. Должность полковничья, но мама ходила в гражданском.

- Интересный термин - "распределитель". Многозначный. Это и детский приемник, и "закрытый распределитель" для бывшей партийно-советской номенклатуры. Вам наверняка приходилось бывать в этом спецзаведении ЦК Компартии Казахстана.

- А отчего, думаете, у меня такие щеки пухлые!

- Каково было вам пережить падение прежнего режима и перемену собственного статуса? Как вы, абсолютно советский по воспитанию человек, вживались в новые условия - и профессионально, и граждански, да и бытово?

- Я был корреспондентом газеты "Правда". В любой области советской страны были только два человека, считавшиеся номенклатурой ЦК КПСС. Первый секретарь обкома партии и собкор "Правды". Что касается умирания всего того, что этот статус давал, я к этому отнесся спокойно. Гораздо более меня волновало то, что стала угасать "Правда" - одна из старейших газет страны. Этого не следовало допускать.

После августа 1991 года состоялось шумное редакционное собрание: как жить дальше? Выпуск газеты был приостановлен указом президента Российской Федерации Ельцина. На собрании было решено, что редактор "Правды" Геннадий Селезнев и собкор по Казахстану Григорий Дильдяев пойдут к министру печати Михаилу Полторанину и сообщат о принятом на собрании решении. Мы набросали новый устав газеты, поснимали из него все коммунистические цели, включили положения о гражданском согласии в обществе и прочее. Министр ночью ждал нас в своем кабинете на Зубовском бульваре. Казахстанец и тоже бывший правдист, он посмотрел на новый устав газеты и говорит: "Разрешаю выход газеты. Сейчас позвоню Борису Николаевичу. С новым уставом живите долго". Увы, не получилось.

Я считаю, есть здесь вина того же Селезнева. Газету можно было сохранить на информационном поле, как остались "Известия", другие бывшие так называемые центральные издания. В "Правде" работали классные профессионалы, у газеты были собственные богатые традиции. И не только в публикации речей очередных партийных лидеров или "расстрельных списков" в годы репрессий. Ведь та же "Правда" для того, чтобы случилась перестройка, сделала, пожалуй, больше, чем любая другая центральная газета.

В Казахстане я создал первое в республике независимое информационное агентство "Азия-пресс". Мы резво стартовали, потеснив КазТАГ. Я был одним из шести учредителей "Каравана". Как президент ассоциации КАЗИНПРЕСС я в основном занимался своим главным журналистским делом.

- У вас редкостный опыт. Вы опять можете быть востребованы как зачинатель большого дела на информационном поле. Откликнитесь, прозвучи подобный зов!

- В журналистике я все свои амбиции удовлетворил. В "Казахстанскую правду" я пришел практикантом в сентябре 1970 года и проработал там до сентября 1984-го, как говорится, от звонка до звонка: литературным сотрудником, собкором, заведующим отделом. Тогда "Казахстанская правда" пребывала на газетном Олимпе в гордом одиночестве. Это была главная газета правящей партии. Сейчас, слава Богу, таких "Олимпов" нет, но у "подножия" - столпотворение: полное многообразие и по формату, и по учредителям, и по принадлежности. Я побывал на всех возможных журналистских должностях, вплоть до высших. Заведовал корреспондентским пунктом "Правды" в Казахстане, был главным редактором "Казахстанской правды". Прецедента такому сочетанию в отечественной журналистике больше не было.

В конце концов в мае 1997 года Президент РК Н.А. Назарбаев назначил меня руководителем редакционно-издательской корпорации "Евразия-пресс", которую мне же поручалось и сформировать. Но вопреки всему чиновники от журналистики спустили задуманное на тормозах.

...С особым чувством вспоминаю газету "Азия", точнее - "Азия". Так, с согласия Олжаса Сулейменова, мы ее назвали. Это был первый международный проект информационно-аналитического периодического издания. В учреждении газеты принимали участие лидеры всех пяти центральноазиатских государств. Я сам объезжал их столицы, встречался с премьер-министрами. Под крыло газеты удалось собрать лучшие перья русскоязычной журналистики стран региона.

- Почему газета "Азия" просуществовала всего три года?

- Это был романтический проект. Слишком романтический для той поры. Реальность оказалась суровой. Во-первых, Казахстан был единственным из пяти государств региона, полностью вносившим свою лепту в финансирование газеты. Самоокупаемость газеты оказалась недостижимой. Главное: стали возникать и обостряться противоречия между некоторыми странами региона. Кроме того, далеко не всех лидеров этих государств устраивало то, что называется вынесением сора из национальной избы на всеобщее обозрение.

А ведь статьи сами по себе были примечательные - и своей объективностью, и авторской стилистикой. Однажды у меня даже появилась ностальгическая мысль: а не собрать ли все вышедшие номера газеты под одну обложку в один том, как это сделали "Московские новости" со своими выпусками за весь незабываемый 1988 год?

- А что! Это был бы любопытный газетный памятник целому периоду новой эпохи.

- Но для этого нужны деньги. Это - во-первых. А во-вторых, по трезвом размышлении, я решил, что при столь стремительном течении всех социально-политических процессов в регионе оглядка назад была бы, наверное, малопродуктивной. Но, может быть, я к этой идее еще вернусь - посмотрим.

- Давайте обратимся к периоду вашего лидерства в "Казахстанской правде". Думаю, не будет с моей стороны некорректным, если я приведу такую деталь. Редактор газеты "Вечерний Алматы" Эльмира Пашина как-то сказала мне, что считает вас лучшим в ее журналистской карьере главным редактором.

- Это ее право так считать. Эльмира Пашина прекрасно вела рубрику "Гостиная "Казахстанской правды". Ей удавалось раскрывать людей, услышать их, расслышать и запечатлеть их суждения без отсебятины. Я не помню ни одного случая, чтобы гость заявлял после публикации, что, мол, "это не мое".

- Насколько вы как главный редактор этой газеты были в силах обеспечить свободу журналистского творчества?

- В моем представлении редактор газеты - это человек, который должен из каждого журналиста "вытащить" все самое лучшее в его потенциале, дать ему определиться со своим местом в коллективе.

- Эти "щипцы" ваше ноу-хау? Или есть общие приемы такого "вытаскивания"?

- Это просто мое понимание того, что такое хороший редактор. Надо дать журналисту попробовать все, что он может. Я говорю: я тебя не ограничиваю, не сажаю в определенную колею - по ней кати. Если ты отраслевик - бога ради! Претендуешь на авторскую колонку - давай! Есть желание в рамках газеты осуществить какой-то проект - на здоровье! В мое время в "Казахстанской правде" успешно практиковалась такая форма, как "газета в газете". "Фаворский свет", например. Жаль, что теперь этот свет "потух". И Александр Тараков, и Светлана Сникуша успешно делали свои "газеты в газете". Хотя, конечно, журналистика дело небезошибочное.

- Хороший главный редактор - для газетчиков "отец родной"?

- Хотя и не родной. Но здесь подразумевается и определенная возрастная граница. В первый свой заход в "Казахстанскую правду" я был там одним из самых молодых штатных сотрудников. Мои старшие коллеги казались мне в буквальном смысле отцами, потому что по возрасту я годился им в сыновья.

- Вы можете сказать, что в казахстанской журналистике существует "школа Дильдяева"? Кто, с вашей точки зрения, мог бы составить отряд вышколенных вами газетчиков?

- Нет такой школы. И ни у кого из более-менее заметных наших журналистов, как я считаю, нет своей именной школы. К сожалению. Исключение, пожалуй, составлял Марат Барманкулов - исходя из своей преподавательской и воспитательной функции на факультете журналистики нашего университета.

- А в чем тут дело? Гордиться наличием нескольких профессиональных именных школ было бы не зазорно отечественной журналистике.

- Из практикующих журналистов свою собственную школу не сформировал никто. Вот среди фотокорреспондентов могу назвать Иосифа Будневича, личного фотографа Президента РК, который и в свои 78 лет остается практикующим мастером. Но и это, скорее, не школа, а круг людей, которым нравится его работа и которые для себя из его опыта что-то извлекают.

- На мой взгляд, причина еще и в том, что если у мастера золотое перо, то это не гарантирует, что у его учеников перья тоже станут золотыми. В лучшем случае, позолоченными. С золотым пером родиться надо.

- Есть давнишнее выражение: журналистике нельзя научить, журналистике можно научиться. Надо очень много успевать читать, анализировать, сравнивать. К сожалению, настоящих статей сегодня маловато. Вообще, жанры газетные размыты, все печатные материалы - словно одна расширенная корреспонденция. Я считаю, что если чему и можно научить - так это профессиональному отношению к делу.

- Прежде чем мы спустимся в город, позвольте, Григорий Григорьевич, вопрос не по теме. Находясь среди вольной природы, под ничем не стесненным, безоблачным небесным куполом, поделитесь, какое впечатление последних лет произвело на вас наиболее яркое воздействие?

- Прекрасный дуэт нашего бывшего владыки Алексия (который служит теперь в Туле) и Алибека Днишева. На одном из общественных приемов они так чудесно пели старинную русскую народную песню о разбойнике Кудеяре. Их редкий по гармонии дуэт до сих пор звучит в моей душе, уходя в алматинские небеса.

ОТ РЕДАКЦИИ. *Коллектив "Вечерки" искренне поздравляет президента ассоциации КАЗИНПРЕСС Григория Дильдяева с присуждением ему звания лауреата премии Союза журналистов Казахстана 2005 года за подготовку и выпуск книги "Свет Победы".*

Тропа к эдельвейсу